

ПЕПЕЛ и ЛЁД

ХРОНИКИ КРАТОСА

МАРИНА ЛИС

ТЁМНОЕ ФЭНТЕЗИ

18+

Марина Лис

Пепел и Лёд. Хроники Кратоса

<https://litres.ru/74236453>

SelfPub; 2026

Аннотация

Его имя было проклято в Греции. Он уничтожил Олимп и погрузил мир в хаос, но не обрел покоя. Бежав от своего прошлого, Призрак Спарты нашел приют в суровых землях Скандинавии. Однако и здесь его настигает тень войны. Потеряв жену Фэй, Кратос остается один на один с сыном, Атреем, — мальчиком, которого он не знает и не понимает.

Их путешествие к высочайшей вершине Девяти миров становится не просто исполнением последней воли умершей, но и путем к искуплению. Мир, в котором боги жестоки, а пророчества неумолимы, готовится к Рагнарёку. Но Кратос, наученный горем и предательством, решает идти против судьбы. В этой книге я пересказываю эпическую сагу через призму чувств и мыслей героев, раскрывая их внутреннюю борьбу, страхи и ту хрупкую надежду, которая связывает отца и сына. Это история не о войне богов, а о войне человека с самим собой.

Содержание

Содержание	4
ЧАСТЬ I. ПОСЛЕДНИЙ ЗАВЕТ	11
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Пепел и Лёд. Хроники Кратоса

Содержание

ЧАСТЬ I. ПОСЛЕДНИЙ ЗАВЕТ

Посвящение той, что научила Призрака Спарты любить, и началу пути, который изменит судьбу Девяти миров.

Глава 1. Огонь в чаще

Лес Мидгарда. Кратос рубит дрова. Его внутренний монолог о прошлом, о том, как он пытается подавить гнев, и о молчании, которое стало его щитом.

Глава 2. Сын леса

Первое появление Атрея. Их отношения — стена отчуждения. Охота на оленя как метафора их взаимного непонимания. Смерть животного и странная болезнь мальчика.

Глава 3. Последнее дыхание Фэй

Воспоминания о жене. Её мудрость, её тайны и её последняя воля. Сцена у погребального костра. Кратос забирает Левиафан и дает клятву исполнить её желание.

Глава 4. Дорога в неизвестность

Сборы. Атрей не понимает отца, Кратос не умеет объяснять. Первый шаг из дома. Ощущение, что за ними следят.

ЧАСТЬ II. НЕЗНАКОМЕЦ В ДОЖДЕ

Первое испытание новой вселенной. Встреча с бессмертным врагом и осознание того, что боги здесь не лучшие тех, что пали в Греции.

Глава 5. Гость с гор

Появление Бальдра. Его странная вежливость и нарастающая агрессия. Диалог-дуэль, где каждое слово острее клинка. Первая битва.

Глава 6. Пробуждение древних

Сражение, которое ломает деревья и пробуждает дракона в горе. Кратос вынужден использовать гнев, чтобы защитить сына. Бальдр и его проклятие бессмертия.

Глава 7. Мир между мирами

Путь к Вратам Тюра. Атрей видит, на что способен его отец. Страх сменяется любопытством. Связь между ними начинает выковываться в бою.

Глава 8. Страж моста

Встреча с Броком. Его говор, его топоры и его навязчивое желание помочь. Новая цель: найти сокровище, чтобы пройти дальше.

ЧАСТЬ III. СВЕТ ЭЛЬФОВ И ТЕНЬ ПОДЗЕМЕЛИЙ

Путешествие через конфликтующие миры. Осознание

того, что война везде, а союзники могут оказаться опаснее врагов.

Глава 9. Война в Альфхейме

Попадание в мир Светлых и Тёмных Эльфов. Кратос снова в центре чужой бойни. Мучительное дежавю по Олимпу.

Глава 10. Исцеление и яд

Квест за светом. Атрей учится читать руны. Отец учится слушать сына. Разрушение центрального кристалла и осознание, что они помогли не тем, кому нужно.

Глава 11. Водопад Девяти

Возвращение в Мидгард. Перемещение на плоту. Тихий разговор отца и сына о том, что такое быть богом.

Глава 12. Кузнец и его брат

Знакомство с Синдри. Контраст с Броком. Улучшение оружия. Печальная история о том, как братья разделились из-за любви к делу.

Глава 13. Под землей

Спуск в заброшенные рудники. Схватка с троллями и духами. Кратос спасает Атрея ценой собственной боли.

ЧАСТЬ IV. ГНЕВ ПРИЗРАКА

Кульминация скандинавского цикла. Примирение с прошлым через принятие настоящего. Смерть и воскрешение.

Глава 14. Храм Тюра

Вход в святилище. Путешествие по мирам через врата.

Раскрытие тайн Фэй — она была великаном.

Глава 15. Железный лес

Путь в Ётунхейм перекрыт. Появление Мимира. Голова, которая знает всё. Кратос отрубает её, чтобы спасти знание. Цена мудрости.

Глава 16. Гора мертвых

Подъем на вершину. Воспоминания о Греции накладываются на суровый северный пейзаж. Атрей заболевает. Кратос в панике.

Глава 17. Душа внутри

Побег с вершины. Схватка с Магни и Модри. Атрей впадает в кому. Кратос несет его к Ведьме в Лес. Сцена отчаяния и мольбы.

Глава 18. Осознание

Ведьма (Фрейя) спасает Атрея, раскрывая тайну его происхождения. Кратос понимает, что его сын — Локи. Примирение с этим фактом.

ЧАСТЬ V. ВАЛЬКИРИИ И ВОРОНЫ

Подготовка к неизбежному. Сбор сил, союзников и встреча с самыми опасными противниками Мидгарда.

Глава 19. Возвращение силы

Атрей приходит в себя. Их связь становится крепче. Теперь они — отец и сын, а не просто наставник и ученик.

Глава 20. Совет ворот

Поиск недостающих кристаллов для врат. Исследование подводного храма.

Глава 21. Проклятые воительницы

Первая встреча с Валькирией (необязательный сюжет для основной линии, но как сцена — показывает жажду Кратоса освобождать пленных, даже если это страшно).

Глава 22. Дракон освобожденный

Сюжетная линия с освобождением дракона Отра. Кратос видит в раненном чудовище себя самого. Акт милосердия.

Глава 23. Охота на воронов

Атрей и Мимир обсуждают слухи Одина. Подготовка к финальному этапу.

ЧАСТЬ VI. ЁТУНХЕЙМ И ЦЕНА ПРОРОЧЕСТВА

Финал пути. Правда о матери и пророчество, которое Кратос решает переписать.

Глава 24. Врата гигантов

Активация прохода в Ётунхейм. Модри снова нападает — финальная схватка с сыновьями Тора. Атрей убивает Модри (первая кровь на его счету).

Глава 25. Дорога к пику

Последний переход. Кратос говорит Атрею о своих ошибках. Он просит прощения за то, что был плохим отцом.

Глава 26. Правда на стене

Они видят фрески великанов. Там изображена вся их

жизнь, включая смерть Кратоса. Атрей видит пророчество о Локи. Кратос решает, что не позволит судьбе написать за него финал.

Глава 27. Рассеивание пепла

Они развеивают пепел Фэй с вершины (финал первой игры). Последний взгляд вдаль. Бальдр настигает их.

ЧАСТЬ VII. КОЛЬЦО ЗАМЫКАЕТСЯ (Финал Рагнарёка)

Заключительная битва, где сталкиваются воля отца и безумие сына Одина. Освобождение Фрейи и приход зимы.

Глава 28. Последняя битва с Бальдром

Эпичная схватка в снегах. Кратос разрывает омуту, лишая Бальдра бессмертия. Бальдр прощает свою мать.

Глава 29. Выбор

Бальдр хочет убить Фрейю. Кратос встает между ними. Он вспоминает свою мать, свою жену. Он решает, что убийство матери — это проклятие, которое он не позволит повторить. Он ломает шею Бальдру.

Глава 30. Зимнее солнцестояние

Возвращение домой. Кратос понимает, что Рагнарёк неизбежен, но теперь он будет встречать его не как воин, а как отец. Он ложится спать, и его посещает видение Тора у дверей.

ЭПИЛОГ. СТРАХ И НАДЕЖДА

Тишина после бури. Мысли о будущем. Пророчество о конце света воспринимается не как приговор, а как предупреждение.

Глава 31. Дым над домом

Кратос просыпается. Атрей пытается его разбудить. Гроза над домом. Молния — топор Тора.

Приложение (дополнительно для объема):

Хроники Мимира: Несколько коротких историй от лица Головы Мимира о том, что происходило в Девяти мирах до прихода Кратоса.

ЧАСТЬ I. ПОСЛЕДНИЙ ЗАВЕТ

ЧАСТЬ I. ПОСЛЕДНИЙ ЗАВЕТ

Глава 1. Огонь в чаще

Лес встретил его молчанием.

Кратос стоял на колене в глубоком снегу, и пар от его дыхания поднимался к хмурому небу редкими, рваными облачками. Топор Левиафан был закреплен за спиной, и его тяжесть Кратос чувствовал каждой мышцей лопаток — привычное, почти забытое ощущение в последние годы. Вместо привычного звона клинков и криков умирающих воинов вокруг стояла лишь та звенящая тишина, которая бывает только в северных лесах, когда снег поглощает все звуки, оставляя человеку лишь его собственное дыхание и стук сердца.

Но Кратос не слышал стука своего сердца. Он давно научился его не слышать.

Перед ним лежало поваленное дерево — старая сосна, которую не выдержал первый зимний ветер. Её корни, покрытые инеем, торчали из земли, словно скрюченные пальцы мертвеца, хватающие небо. Кратос провел ладонью по шершавой коре, счищая снег. Древесина была мерзлой, твердой, как камень. Хорошая древесина. Такая будет гореть долго,

давая ровный жар, а не чадающее пламя сырых веток.

Он медленно поднялся. Колени хрустнули — не от старости, нет, боги не стареют так, как люди, но от тысяч часов, проведенных в этом лесу в молчаливой работе. За те годы, что он прятался здесь, в Мидгарде, его тело научилось новой дисциплине. Раньше его мускулы помнили лишь резкие, рвущие движения — удар мечом, блок щитом, кулак в лицо врага. Теперь они помнили, как наклоняться за хворостом, как затачивать колы для ограды, как поднимать тяжелые камни для фундамента хижины, которую они с Фэй построили своими руками.

Фэй.

Её имя ворвалось в его сознание, как всегда, внезапно и безжалостно. Он не пытался прогнать воспоминание. Это было бесполезно. За годы изгнания он научился не бороться с призраками прошлого — он просто позволял им проходить сквозь него, как холодному ветру сквозь щели в стенах.

Кратос взялся за ствол сосны, обхватив его руками чуть выше середины. Мышцы на спине напряглись, наливаясь железной силой. Он глубоко вдохнул, и его легкие наполнились холодным, колючим воздухом, в котором пахло прелой хвоей, мокрой землей и железом — странный, северный запах, так непохожий на аромат средиземноморского кипариса и жареного мяса, что стоял в лагерях спартанской армии.

Он рванул.

Сосна не поддавалась сразу. Она была тяжелой, промерзшей

насквозь, мертвой и упрямой, как и всё в этом мире. Кратос сжал зубы, и где-то глубоко в груди, там, где таился тот самый Гнев, который он так старательно запирает на тысячу замков, вспыхнула искра. Её жжение было знакомым, почти родным, но он погасил её усилием воли, не позволяя вырваться наружу. Он не хотел разрушать этот лес. Не сейчас. Не после того, как этот лес дал ему убежище.

С глухим, протяжным треском, похожим на стон раненого зверя, корни сосны оторвались от земли вместе с комьями черной, еще не полностью замерзшей почвы. Снег посыпался с веток, и на мгновение всё вокруг затянула белая пелена. Кратос перехватил ствол поудобнее, перекинул его через плечо и, не сгибаясь под нечеловеческой тяжестью, зашагал обратно к дому.

Ветки хлестали его по лицу, оставляя на коже белые царапины, которые тут же затягивались синеватыми пятнами синяков. Снег хрустел под его тяжелыми сапогами — сапогами из грубой кожи, сшитыми Фэй еще прошлой весной. Она смеялась тогда, говорила, что такие сапоги можно носить тысячу лет, и Кратос не спорил. Он редко спорил с ней. Она была единственной, кто мог заставить его замолчать.

Дом показался из-за поворота тропы неожиданно — небольшое строение из грубо отесанных бревен, с покатой крышей, на которой уже скопился слой снега. Из трубы, сложенной из камней, вился тонкий, едва заметный дымок. Фэй разожгла печь еще на рассвете, зная, что муж пойдет в лес

за дровами и вернется промерзшим до костей. Она всегда знала.

Кратос остановился на опушке, перевел дух и сбросил сосну рядом с поленницей, которая и так уже высилась под навесом. Он окинул взглядом свою работу — ровные, сложенные друг на друга бревна, наколотые за последние недели. Их было много. Слишком много. Каждое полено было расколото с такой силой, что щепки разлетались в стороны, но с такой точностью, что год за годом Кратос превратил это в ритуал.

Потому что ритуалы держали его на месте.

Когда он был призраком Спарты, его ритуалами были битвы. Он просыпался с именем врага на устах и засыпал с мыслью о следующем походе. Здесь, в этом лесу, он просыпался с мыслью о том, сколько дров нужно нарубить, чтобы хватило на неделю. И это помогало. Помогало не думать о пепле, что покрывал его кожу невидимым слоем, о криках, что всё еще звучали в его ушах по ночам, когда ветер стихал и мир замирал в абсолютной тишине.

Кратос подошел к колоде. Это был просто огромный пенёк, на котором он рубил дрова, но его поверхность была стесана тысячами ударов лезвия. Левиафан тускло блеснул, когда он вытащил его из-за спины и положил на колоду. Его рука сама потянулась к лезвию, чтобы проверить заточку, но он остановил себя.

Оно острое, — сказал бы он, если бы кто-то спросил. —

Я всегда держу его острым.

Но никто не спрашивал. Атрей не спрашивал. Он редко вообще спрашивал что-то у отца.

Кратос взял одно из бревен, которое лежало в куче у колоды, и поставил его вертикально. Он мог бы просто ударить топором — разрубить одним точным, сокрушительным ударом. Но он сделал иначе. Он сначала провел ладонью по коре, чувствуя холод, чувствуя текстуру, чувствуя жизнь, которая еще оставалась в этом дереве.

— Живи, пока можешь, — прошептал он почти беззвучно, и это была молитва, обращенная не к богам, которым он больше не поклонялся, а к самому дереву.

Он поднял Левиафан. Топор взмыл вверх, рассекая морозный воздух, и с глухим, тяжелым звуком вонзился в середину полена. Раскол получился ровным, как чертеж. Две половинки с глухим стуком упали в снег.

Кратос поднял их, отбросил к поленнице и взял следующее бревно. Удар. Раскол. Снова.

Он работал без остановки почти час. Его движения были механическими, отточенными до совершенства, но за этой механической точностью стояла бездна привычки. Он считал удары. Раз, два, три, четыре... Он дошел до ста семидесяти трех, когда услышал за спиной тихий хруст снега. Шаги были легкими, почти неслышными — человек, который ступал осторожно, стараясь не потревожить тишину.

— Ты снова ушел на рассвете, — раздался голос Атрея.

Мальчишеский, но уже с хрипотцой, сломленный переходным возрастом.

Кратос не обернулся. Он поднял очередное полено, поставил его на колоду и замахнулся топором.

— Ты должен был спать, — ответил он глухо, нанося удар. Полено раскололось с таким треском, что с веток ближайшего дерева посыпался снег.

— Я не спал. — Атрей подошел ближе, остановившись в нескольких шагах от отца. Кратос чувствовал его взгляд на своей спине. В этом взгляде было любопытство, смешанное с чем-то другим, чего Кратос не умел определять. — Я слышал, как ты вышел.

— Ты должен спать, — повторил Кратос, и в его голосе прозвучала резкая, рубленая нота, которая всегда заставляла Атрея замолкать. Но в этот раз мальчик не замолчал.

— Я не устал.

Кратос наконец-то обернулся. Атрей стоял у края поляны, закутанный в шерстяной плащ, который Фэй сшила ему прошлой осенью. Плащ был ему велик — рукава свисали ниже пальцев, и мальчик подворачивал их, как это делала его мать. В одной руке он держал лук — слишком большой для его роста, но он уже умел с ним обращаться. Лучше, чем многие взрослые охотники, с которыми Кратос сталкивался в своих странствиях.

— Ты должен есть, — сказал Кратос, отводя взгляд. Он не мог смотреть на сына слишком долго. Что-то в этих глазах,

слишком голубых, слишком чистых, вызывало в нем тоску.
— Мать оставила еду на столе.

— Я не голоден.

Кратос вздохнул. Этот вздох был тяжелым, долгим, он вырвался из его груди вместе с облаком пара, и в нем слышалась целая гамма чувств, которые Кратос никогда не производил вслух. Разочарование. Беспомощность. Усталость.

Он опустил Левиафан на колоду и медленно повернулся к сыну. Снег вокруг его ног был испещрен щепками — они лежали повсюду, белые и острые, словно маленькие кости.

— Тогда иди к матери, — сказал он, и в голосе его послышалась мягкость, которой он сам не заметил. — Она ждет тебя для уроков.

Атрей насупился. Его брови сошлись на переносице — жест, который он, сам того не зная, скопировал у отца.

— Я не хочу к матери. Я хочу пойти с тобой. В лес. Ты обещал научить меня охотиться на крупного зверя.

Кратос закрыл глаза на мгновение. Воспоминание: он и Атрей стоят на опушке, мальчик держит лук, а впереди — следы оленя. Он учил его читать следы, учил его определять возраст зверя по глубине отпечатка, учил его терпению. Но тогда Атрей был слишком нетерпелив. Он спугнул оленя, и Кратос, вместо того чтобы рассердиться, просто положил руку ему на плечо и сказал: «В другой раз».

Другого раза не случилось. Случилась зима, случился снег, и охота стала невозможной. Но Атрей помнил.

— Сейчас не время для охоты, — ответил Кратос, наклоняясь, чтобы поднять очередное полено. — Снег глубокий. Зверь ушел в чащу.

— Мы можем пойти в чащу, — упрямо возразил Атрей. — Я не боюсь. Я готов.

Кратос посмотрел на сына. На его покрасневшие от холода щеки, на его вздернутый подбородок, на его маленькие руки, сжимающие лук с такой силой, что побелели костяшки пальцев. В нем было что-то от Фэй — та же огненная, негибкая воля, та же готовность бросить вызов миру.

Но в нем было и что-то от Кратоса. Что-то темное и разрушительное, что дремало в нем в ожидании своего часа.

И это пугало Кратоса больше всего.

— Я сказал: нет, — произнес он, и в голосе его на этот раз зазвенел металл.

Атрей вздрогнул, но не отступил. Он только сжал губы и опустил глаза. В его позе читалась такая боль, такое непонятное одиночество, что Кратосу захотелось ударить себя кулаком в грудь, чтобы заглушить внезапно проснувшуюся совесть. Но он не сделал этого. Он никогда не делал этого при сыне.

— Иди в дом, — приказал он. — Займись своими книгами. Мать сказала, что ты должен выучить руны.

Атрей постоял еще мгновение, глядя на отца с такой смесью злости и преданности, что это было почти невыносимо. Затем он развернулся и медленно, с достоинством, которое

не соответствовало его возрасту, зашагал обратно к дому.

Кратос смотрел ему вслед, пока фигура сына не исчезла за дверью. Он слышал, как скрипнули петли, как хлопнула дверь, и в лесу снова воцарилась тишина.

Он перевел взгляд на свою правую руку. Ладонь была покрыта мозолями, старыми шрамами, тонкими белыми линиями, которые тянулись от запястья до локтя. Это были следы цепей, которые он носил много лет назад. Цепей Олимпа. Цепей, которые сковывали его с Призраком Спарты, с той частью его души, которую он так отчаянно пытался подавить.

Он сжал кулак, и мышцы на его предплечье вздулись, натягивая кожу.

— Ты слаб, — прошептал он самому себе. — Ты позволяешь ему видеть твою слабость. Ты позволяешь себе чувствовать.

Он снова поднял топор, и его глаза потемнели, наливаясь той давней, рвущейся наружу яростью, которую он так старательно прятал. Он занес Левиафан для удара, и в этот момент в голове у него вспыхнуло лицо — лицо Зевса, искаженное гневом, лицо Афины с ее ледяным, всезнающим взглядом, лицо Ареса, горящее в пламени.

Он ударил.

Бревно разлетелось на четыре части, разбросанные по снегу, словно его ударили не топором, а взрывом. Кратос тяжело дышал, чувствуя, как в груди пульсирует жар. Гнев требовал выхода. Он требовал крови, разрушения, крика.

Но Кратос заставил себя успокоиться.

Он медленно опустил Левиафан, глубоко вдыхая холодный воздух. Снег пошел снова — мелкий, колючий, он бил в лицо, оседал на бороде, на плечах, на рукоятке топора, делая её скользкой. Кратос присел на корточки и провел рукой по лицу, счищая ледяные крупинки. Он думал о Фэй. Думал о её руках, которые пахли травами. Думал о её голосе, низком и успокаивающем, как далекий гром.

Она говорила, что я могу измениться, — вспомнил он. — Она говорила, что во мне есть место для мира. Но она ошибалась. Внутри меня только пепел и война.

Он поднялся и принялся собирать раскиданные куски дерева. Каждое движение было медленным, обдуманном, он складывал поленья в аккуратную стопку, поправлял каждое, чтобы они лежали ровно. Это успокаивало его. Это заменяло ему молитву.

Когда работа была закончена, он постоял еще несколько минут, глядя на небо. Оно было низким, серым, таким, каким оно бывает только здесь, на севере, где облака висят так близко, что, кажется, до них можно дотянуться рукой. Кратос вспомнил Грецию — бесконечное синее небо, палящее солнце, от которого негде было укрыться. Он никогда не любил солнце. Оно было слишком ярким, слишком открытым, слишком обнажающим. Здесь, в этом тусклом, холодном мире, он мог спрятаться. Он мог быть никем.

И всё же я скучаю по солнцу, — подумал он с горечью. —

Скучаю по тому, как оно жгло мою кожу. Скучаю по боли.

Он повернулся и направился к дому.

Дверь скрипнула, когда он вошел, впуская с собой порыв ледяного ветра и облако снежной пыли. Внутри было темно и жарко — печь, сложенная из грубого камня, гудела, наполняя комнату теплом и запахом дыма. Фэй сидела у стола, перебирая какие-то сухие травы, и, когда он вошел, подняла на него взгляд.

— Ты задержался, — сказала она спокойно, без упрёка.

Кратос остановился у порога, стряхивая снег с плеч. Он не знал, куда девать руки, и потому просто опустил их вдоль тела.

— Дерево было тяжелое, — ответил он, не глядя на жену.

Она улыбнулась — той легкой, понимающей улыбкой, которая всегда обезоруживала его. Встала, подошла к нему и провела ладонью по его мокрой бороде, счищая снег.

— Ты разговаривал с деревом? — спросила она тихо.

Кратос дернулся, как от удара. Он никогда не говорил ей о своих странных ритуалах, о том, как он шептал мертвым деревьям, чтобы те позволили ему рубить себя. И все же она знала. Она всегда знала.

— Нет, — солгал он.

Фэй ничего не сказала. Она только привстала на цыпочки и поцеловала его в щеку, оставляя на коже тепло.

— Иди к огню, — сказала она. — Ты холодный, как камень.

Она была права. Он был холодным. Он был холодным всегда — с того самого дня, когда сжег Олимп, когда убил свою семью, когда позволил Гневу взять над собой верх. Он был холодным, потому что внутри него давно ничего не горело.

Он прошел к печи и опустился на скамью, стоящую рядом. Дрова трещали, выбрасывая искры, и Кратос протянул руки к огню, чувствуя, как тепло разливается по заочевенным пальцам. Он смотрел на пламя, и оно напоминало ему о другом огне, о том, что сжег его родной город, о том, что сжег его прошлое.

Атрей сидел за столом с книгой в руках. Книга была тяжелой, в кожаном переплете, с пожелтевшими страницами, на которых были нанесены странные рунические знаки. Мальчик водил пальцем по строчкам, шевеля губами, пытаясь выучить непонятные слова. И в этой тихой, почти идиллической картине — жена у очага, сын за книгой, огонь в печи — было что-то такое, что рвало Кратосу душу.

Я не заслуживаю этого, — подумал он. — Я не заслуживаю мира. Я не заслуживаю их.

Но он ничего не сказал. Он просто сидел и смотрел в огонь, слушая, как снег стучит в окно, как дрова потрескивают, как Фэй тихонько напевает какую-то мелодию, и пытался убедить себя, что это действительно его жизнь. Что он может остаться здесь. Что он может быть просто человеком.

Но глубоко внутри, в самой темной части его души, горел тот самый Гнев, который не угаснет никогда. И он знал, что

рано или поздно ему придется взять в руки топор снова. Рано или поздно мир придет за ним. И за его семьей.

Он сжал кулаки и закрыл глаза.

— Прости меня, Фэй, — прошептал он мысленно. — Прости меня, Атрей. За всё, что еще произойдет.

Но он не знал, что через несколько дней они потеряют её. Что она оставит их, оставив лишь пепел и последнюю волю, чтобы они отнесли её прах на самую высокую вершину Десяти миров. Он не знал, что это будет последним спокойным днем в их жизни.

Он знал только, что огонь в печи горит, и что в этом есть какое-то странное, утешительное чудо.

И он держался за это чудо.

Вот так, в полной тишине, Кратос сидел у огня и смотрел, как тают снежинки, прилипшие к его бороде. Он думал о войне, которая однажды закончилась. И о мире, который только начался.

Глава 2. Сын леса

Атрей проснулся от того, что за окном кто-то кричал.

Он сел на постели, вдыхая холодный воздух, который просачивался сквозь щели в бревенчатых стенах. В доме было темно — лишь слабый отблеск тлеющих углей в печи разго-

нял мрак, рисуя на потолке танцующие тени. Сердце мальчика колотилось где-то в горле, и он прислушался, пытаясь понять, что его разбудило.

Крик повторился. Это был не человеческий крик — высокий, пронзительный, похожий на плач ребенка, но в нем слышалось что-то звериное. Атрей выскочил из постели, босыми ногами ступая по холодному деревянному полу, и подбежал к окну. Он отодвинул занавеску — грубую ткань, которую мать соткала прошлой осенью, — и прижался лицом к замерзшему стеклу.

Снаружи было еще темно. Небо над лесом начинало светлеть лишь у самого горизонта, окрашиваясь в бледно-фиолетовый цвет, но снег еще лежал глубокий и нетронутый. И в этом снегу, в десятке шагов от дома, стоял Кратос.

Отец замер неподвижно, как статуя. Его широкая спина была обращена к дому, плечи чуть напряжены, голова слегка наклонена — он прислушивался. В правой руке он держал топор, но не Левиафан — тот оставался на стене, у двери, — а обычный охотничий нож, длинный и чуть изогнутый. И в этой позе, в этом напряжении было что-то такое, что заставляло Атрея задерживать дыхание.

Отец никогда не был просто человеком. Атрей знал это с самого раннего детства, хотя никогда не слышал полного объяснения. Мать говорила ему, что Кратос пришел издалека, из-за моря, что он был воином, что он многое пережил. Но Атрей видел больше, чем ему рассказывали. Он видел,

как отец смотрит в пустоту, как сжимаются его кулаки, когда ветер доносит до них запах дыма, как он вздрагивает во сне и просыпается в холодном поту. Иногда, очень редко, Атрей слышал из комнаты родителей приглушенные голоса — мать говорила что-то успокаивающее, а отец отвечал ей хриплым, разбитым шепотом.

Крик повторился снова. На этот раз Атрей понял, что это — олень.

Он видел их раньше, иногда по утрам, когда Кратос брал его с собой на охоту. Это были огромные звери, покрытые толстой буровой шерстью, с ветвистыми рогами, которые вздымались над их головами, словно кроны деревьев. Они были пугливы и быстры, и лишь однажды Атрею удалось подойти к одному на расстояние выстрела. Но тогда он промахнулся.

Он не хотел промахиваться сегодня.

Атрей отпрянул от окна и заметался по комнате, нащаривая в темноте свою одежду. Шерстяная рубаша, кожаные штаны — все это он натянул за считанные секунды, неуклюже, торопливо, путаясь в рукавах и застежках. Ноги уже начали замерзать, пока он искал свои сапоги, но он не обращал внимания. В груди у него горел огонь нетерпения.

Он слышал за дверью шаги матери. Она уже встала, должно быть, и теперь ходила по дому, готовя завтрак. Её движения были тихими и размеренными, как всегда, и Атрей знал, что она не станет его останавливать. Мать никогда не оста-

навливала его, когда он хотел пойти с отцом.

— Ты должен учиться, — говорила она иногда. — Ты должен знать, как выживать. Твой отец — лучший учитель, который у тебя может быть.

Атрей не понимал, что она имела в виду. Отец почти никогда не говорил с ним. Он показывал — жестом, взглядом, коротким кивком. Учил его молчать в лесу, учил его читать следы, учил его убивать. Но он никогда не объяснял, *почему* они убивают, *для чего* это нужно. И иногда, когда Кратос смотрел на него, Атрей видел в его глазах тень какого-то старого, глубокого страха. Страх за него.

Атрей выбежал в главную комнату. Мать стояла у очага, помешивая в небольшом котелке что-то дымящееся, и ее темные, почти черные волосы были распущены, падали на плечи тяжелой волной. Она обернулась на его шаги, и в ее глазах мелькнула легкая улыбка.

— Ты слышал оленя? — спросила она. Голос ее был мягким, как шелест сухой листвы.

— Да, — выдохнул Атрей, натягивая второй сапог. — Я пойду с отцом.

— Он тебя не звал.

— Он никогда меня не зовет, — огрызнулся Атрей, и сразу же пожалел об этом. Но мать не рассердилась. Она только покачала головой и протянула ему кусок черствого хлеба, завернутый в чистую тряпицу.

— Возьми. Будешь голодным.

Атрей схватил хлеб, сунул его за пазуху и бросился к двери. На пороге он остановился, на секунду обернулся. Мать стояла у печи, и свет от огня падал на ее лицо, делая его почти прозрачным. Она была красивой — это знал каждый, кто видел ее. Но для Атрея она была больше чем красивой. Она была единственной, кто понимал его, когда отец молчал.

— Мама, — сказал он тихо, — я буду осторожен.

Она улыбнулась той улыбкой, которая всегда делала его сильнее, и кивнула.

— Я знаю, мой маленький Локи.

Атрей выскочил наружу.

Холод ударил ему в лицо, как открытая ладонь. Утренний воздух был острым, он резал легкие, заставлял глаза слезиться, но Атрей не обращал внимания. Он бежал через снег, проваливаясь почти по колено, и каждое движение отдавалось болью в холодных мышцах. Он видел впереди фигуру отца — Кратос уже начал двигаться, ступая широко и бесшумно, хотя снег под его ногами должен был хрустеть. Он не хрустел. Он почти не оставлял следов.

Как он это делает? — думал Атрей, пытаясь угадать секрет. Но он знал ответ: отец не был человеком. Он не был просто смертным. Он был чем-то большим, чем-то темным, что пряталось в его широкой груди и иногда вырывалось наружу, когда он думал, что никто не видит.

— Отец! — крикнул Атрей, задыхаясь.

Кратос остановился и медленно обернулся. Его лицо бы-

ло непроницаемым, как каменная маска. Глаза — холодные, серые, как зимнее небо — окинули Атрея беглым взглядом. Он не улыбнулся. Он никогда не улыбался.

— Ты должен быть в доме, — сказал он. Голос его звучал низко и глухо, словно катился по дну глубокого ущелья.

— Я хочу с тобой, — ответил Атрей, подходя ближе. — Я видел оленя. Мы можем его взять.

Кратос ничего не сказал. Он просто смотрел на сына, и в этом взгляде было столько всего — столько боли, столько страха, столько невысказанных слов, что Атрей едва не отступил. Но он не отступил. Он научился не отступать от отца.

— Ты будешь мешать, — наконец сказал Кратос.

— Я буду помогать, — возразил Атрей. — Я умею стрелять. Ты сам говорил.

Кратос отвернулся и пошел дальше, но Атрей уже понял — он не прогонит его. Он никогда не прогонял его. Только молчал. Всегда молчал.

Они углубились в лес.

Снегопад прекратился, и мир вокруг замер в белой, чистой тишине. Деревья стояли неподвижно, покрытые толстым слоем инея, и их ветви тянулись к небу, словно скрюченные пальцы. Иногда с веток срывался снег и падал вниз с мягким, почти неслышным шелестом, но в остальном лес был абсолютно безмолвен.

Кратос двигался уверенно, выбирая самые удобные тропы. Атрей пытался идти за ним, но ноги вязли в снегу, и он

то и дело спотыкался. Отец, казалось, не замечал его борьбы. Он сосредоточенно всматривался вперед, время от времени наклоняясь к земле, чтобы провести пальцем по снегу.

— Что ты ищешь? — спросил Атрей, наконец догнав его.

— Следы, — кратко ответил Кратос. — Олень прошел здесь. Час назад.

Атрей тоже наклонился к снегу. Он ничего не видел — только белую, ровную поверхность, покрытую легкими морщинками ветра. Но отец показывал пальцем на едва заметные вмятины, и Атрей, прищурившись, наконец разглядел их. Следы были старыми, почти стертymi, но Кратос видел их так ясно, словно они были вырезаны на камне.

— Как ты понял, что это олень? — спросил Атрей, пытаюсь учиться.

— Размер, — ответил Кратос. — Расстояние между отпечатками. Глубина. Олень тяжелее лисы, легче медведя. Он идет на север, ищет открытое место.

Атрей кивнул, стараясь запомнить. Он любил эти моменты — редкие минуты, когда отец говорил с ним, объяснял, учил. Это случалось нечасто, но каждый такой момент был для Атрея целым даром. Он чувствовал себя учеником, наследником, преемником. Он чувствовал себя достойным.

Они пошли дальше.

Лес постепенно редел, и между деревьями начал просматриваться просвет. Кратос поднял руку, останавливая Атрея, и тот замер, стараясь даже не дышать. Сердце его колотилось

так громко, что, казалось, его слышно за версту. Он смотрел в ту сторону, куда смотрел отец, и наконец увидел.

Олень стоял на небольшой поляне, у кромки замерзшего ручья. Это был огромный зверь, с высокими, ветвистыми рогами, которые сверкали на утреннем солнце, как драгоценные камни. Шерсть его была темно-бурой, почти черной, покрытой слоем инея, и пар клубился из его ноздрей, когда он вдыхал. Он был прекрасен.

Атрей затаил дыхание.

Олень стоял неподвижно, прислушиваясь. Его уши подергивались, ловя каждый звук. Он чувствовал их — Атрей знал это. Он чувствовал запах человека, запах железа, запах опасности.

— Не двигайся, — шепнул Кратос почти беззвучно. — Выдохни. Медленно.

Атрей подчинился. Он медленно выдохнул, и его дыхание превратилось в облако пара. Стрела в тетиве дрожала — его руки тряслись от холода и возбуждения.

— Целься ниже, — продолжал Кратос. — За лопатку. В сердце.

Атрей прицелился. Он видел перед собой оленя, видел его мощный бок, видел ту точку, в которую нужно попасть. Он уже стрелял раньше — в зайцев, в птиц, иногда в мелких хищников. Но это было что-то другое. Это была настоящая охота.

Он натянул тетиву. Дерево лука заскрипело под натиском

его пальцев, и он почувствовал, как напряглись мышцы его спины, как занули суставы. Он выдохнул.

Олень поднял голову и посмотрел прямо на них.

Атрей замешкался. Всего на мгновение. Но этого мгновения оказалось достаточно. Олень рванул с места, и его огромное тело исчезло за деревьями, поднимая за собой облако снега.

— Нет! — крикнул Атрей, опуская лук.

Кратос стоял рядом, неподвижный, и смотрел на то место, где только что стоял олень. Он не рассердился. Он не сказал ни слова. Он просто стоял и смотрел.

— Я промахнулся, — выдохнул Атрей, и в голосе его слышались слезы. — Я снова промахнулся. Я видел его, я целился, я все делал правильно, но...

— Ты думал, — сказал Кратос. — Ты думал слишком долго. Ты дал ему время увидеть тебя.

— Но я не хотел! — воскликнул Атрей. — Я просто... я не знаю. Я испугался.

— Бояться нормально, — сказал Кратос, и в его голосе промелькнула та странная, почти нежная нота, которую Атрей слышал так редко. — Бояться — значит быть живым. Но ты не должен позволять страху решать за тебя.

Атрей посмотрел на отца. Кратос стоял перед ним, огромный, непоколебимый, как скала, и в его серых глазах мелькало что-то, похожее на понимание. На сочувствие.

— Ты тоже боишься? — спросил Атрей тихо.

Кратос отвел взгляд.

— Да, — сказал он, и это слово прозвучало так тяжело, словно он поднимал камень, который весил целый мир. — Я боюсь каждый день. Но я не позволяю этому остановить меня.

Атрей почувствовал, как на глаза наворачиваются слезы. Он быстро отвернулся, утирая лицо рукавом, и притворился, что рассматривает снег у своих ног. Он не хотел, чтобы отец видел его слабость.

— Мы можем догнать его, — сказал он, стараясь, чтобы голос звучал твердо. — Я знаю, куда он побежал. Мы можем...

— Нет, — остановил его Кратос. — Он ушел. Нам нужно домой. Мать ждет.

Атрей хотел спорить. Он хотел сказать, что не голоден, что не устал, что готов идти до ночи, чтобы доказать отцу, что он достоин, что он способен. Но слова застряли у него в горле. Он просто молчал и смотрел, как отец разворачивается и идет обратно в лес, забирая с собой весь свет утреннего солнца.

Они шли молча. Атрей брел за отцом, уставившись в его широкую спину, и думал о том, что произошло. О том, как он промахнулся. О том, как отец, кажется, понял его, но не простил. И о том, как много слов остались между ними невысказанными.

Тропа была ровной, и снег под ногами поскрипывал с мер-

ным, убаюкивающим звуком. Атрей смотрел на небо, где солнце уже начинало подниматься, окрашивая облака в золотисто-розовые тона, и думал о том, что сегодня он подвел отца. Сегодня он был слабым. Сегодня он был сыном леса, но не охотником.

А Кратос думал о своем. Он смотрел на уходящие следы оленя, на снежные наносы, на голые ветви деревьев, и перед его глазами вставала совсем другая картина — Греция, лето, солнце, которое жгло кожу, и он сам, молодой, безумный, полный гнева. Он убивал богов тогда. Он разрушал города. Он сеял смерть, и эта смерть была его жизнью.

А теперь он шел по лесу с маленьким мальчиком, который не умел стрелять, и боялся, что однажды этот мальчик станет таким же, как он. Боялся, что однажды он передаст ему свой гнев, свою боль, свое проклятие. Боялся, что Атрей станет Призраком.

Он не хотел этого.

Ты должен быть сильнее, — думал он, глядя на сына. — *Ты должен быть лучше меня. Ты должен научиться тому, чему я не смог.*

Но он не знал, как научить его этому. Он умел только убивать. Он умел только сражаться. И в этом лесу, в этой тишине, он чувствовал себя таким же потерянным, как и его сын.

Когда они вернулись к дому, Фэй стояла на крыльце, закутанная в теплый платок, и смотрела на них с той спокойной, всепрощающей улыбкой, которая была ее главным оружием.

Кратос подошел к ней, и она положила руку ему на плечо, ничего не спрашивая. Она знала. Она всегда знала.

— Идите есть, — сказала она. — Завтрак остывает.

Кратос прошел внутрь, не оборачиваясь. Атрей задержался на крыльце, глядя на мать. Он хотел сказать ей, как ему стыдно, как ему грустно, как он хотел бы все исправить. Но она опередила его.

— Ты хорошо стрелял, — сказала она, и в ее голосе не было сомнений.

— Я промахнулся, — возразил Атрей.

— Ты не промахнулся. Ты просто не попал. Разница есть, — она улыбнулась ему той улыбкой, которая делала мир светлее. — В следующий раз ты попадешь.

Атрей хотел ей верить. Он хотел верить, что в следующий раз все будет иначе. Но глубоко внутри он знал, что дело не в олене. Дело в том, что он хотел доказать отцу, что он способен, что он достоин, что он не просто мальчик, а сын бога.

И он не знал, сможет ли когда-нибудь этого достичь.

Он вздохнул и вошел в дом.

За столом уже стояла еда — горячая похлебка, хлеб, кусок вяленого мяса. Кратос сидел в углу, опустив голову, и ел молча, не поднимая глаз. Атрей сел напротив него и взял ложку, но есть не стал. Он смотрел на отца, на его массивные плечи, на его руки, покрытые шрамами, и думал о том, что между ними есть стена, которую он не может разрушить.

— Отец, — сказал он тихо.

Кратос поднял голову. В его глазах мелькнуло удивление — он не ожидал, что сын заговорит с ним за едой. Атрей никогда не заговаривал с ним за едой.

— Я хочу, чтобы ты научил меня, — сказал Атрей, глядя отцу прямо в глаза. — Настоящему. Тому, что умеешь ты. Я хочу быть таким же, как ты.

Кратос застыл. На его лице появилось выражение, которое Атрей никогда раньше не видел. Боль. Страх. Стыд.

— Нет, — сказал он, и это слово упало на стол, как камень.

— Но почему? — возмутился Атрей. — Почему ты не хочешь учить меня? Почему ты все время молчишь? Почему ты не...

— Потому что я боюсь тебя! — вырвалось у Кратоса. Он встал из-за стола, и его стул с грохотом отлетел в сторону. Комнату заполнила тяжелая, давящая тишина.

Атрей смотрел на отца с раскрытым ртом. Фэй замерла у печи, и ее лицо побледнело.

— Ты не хочешь быть таким, как я, — сказал Кратос, и в его голосе слышалась дрожь. — Ты не хочешь знать, что я сделал. Ты не хочешь носить то, что ношу я. Никогда. Ты не должен быть таким, как я.

Он развернулся и вышел из дома, громко хлопнув дверью. Атрей сидел за столом, и слезы текли по его щекам, обжигая кожу.

Фэй подошла к нему и обняла его.

— Он не хотел тебя обидеть, — прошептала она. — Он

просто... он боится за тебя. Он боится, что ты станешь таким, как он был раньше.

— Но я хочу быть сильным, — сказал Атрей, шмыгая носом. — Я хочу быть достойным.

— Ты уже достоин, — ответила она. — Ты просто не знаешь этого. Но однажды ты узнаешь.

Она поцеловала его в макушку и отпустила. Атрей смотрел на закрытую дверь, за которой скрылся отец, и чувствовал, что между ними происходит что-то важное. Что-то, что изменит их обоих навсегда.

Снаружи ветер стих. И в этой тишине Атрей слышал только стук собственного сердца.

Он поднялся из-за стола, подошел к окну и посмотрел на лес. Там, за деревьями, стоял его отец — огромный, одинокий, непонятый. И Атрей знал, что когда-нибудь он найдет способ пробиться через эту стену. Когда-нибудь он станет тем, кем должен быть.

Но пока он просто стоял и смотрел на снег, который падал за окном, и слушал, как мать напевает тихую мелодию у печи. Он слушал и думал о том, что сегодня он промахнулся, но завтра он обязательно попадет.

Он должен был попасть.

Глава 3. Последнее дыхание Фэй

Кратос проснулся оттого, что рядом с ним было пусто.

Это было странное ощущение — пустота в постели, где всегда лежала Фэй. Он протянул руку, и его ладонь коснулась холодной, уже остывшей простыни. Сердце его сжалось, хотя он не мог понять почему. В доме было тихо — слишком тихо. Обычно к этому часу Фэй уже хлопотала у печи, слышался звон посуды, запах дыма и трав. Но сейчас стояла только та мертвая, звенящая тишина, которая бывает перед бурей.

Кратос сел на постели, и его глаза привыкли к темноте. За окном еще не рассвело — лишь бледный, едва заметный свет пробивался сквозь щели в ставнях. Он поднялся, натянул штаны, набросил на плечи рубаху и вышел в главную комнату.

Фэй сидела у стола.

Она сидела, выпрямив спину, как всегда, но в её позе было что-то новое — какая-то странная, болезненная неподвижность. Руки её лежали на столешнице, и в них она сжимала что-то маленькое, темное, что Кратос не мог разглядеть в полумраке. Голова её была опущена, и длинные черные волосы закрывали лицо.

— Ты встала рано, — сказал Кратос, подходя ближе. Его голос звучал глухо, и он сам не узнал его. — Ты не спала?

Фэй медленно подняла голову, и Кратос замер, когда увидел её лицо. Оно было бледным, почти прозрачным, как тонкий лед на реке. Глаза ее, всегда такие живые, теплые, теперь казались потухшими, глубокими, как бездонные колодцы. Под ними залегли темные круги, а губы, всегда чуть приоткрытые в улыбке, были сжаты в тонкую, почти невидимую линию.

— Фэй, — сказал он, и в его голосе прозвучала тревога. — Что случилось?

Она улыбнулась ему той улыбкой, от которой у него всегда замирало сердце, но теперь в этой улыбке было что-то новое. Что-то прощальное.

— Садись, — сказала она тихо. — Нам нужно поговорить. Кратос подошел к столу и сел напротив неё. Он не отрывал от неё взгляда, пытаясь понять, что происходит. В его груди разрасталось холодное, липкое чувство, которое он знал слишком хорошо. Это чувство приходило перед каждой битвой. Перед каждой смертью.

— Ты больна? — спросил он, и его голос дрогнул, хотя он старался, чтобы этого не случилось.

Фэй покачала головой, но в этом жесте не было отрицания. В нем было что-то другое — смирение, усталость, принятие.

— Я не больна, Кратос. Я умираю.

Слова повисли в воздухе, тяжелые, как свинец. Кратос смотрел на неё, и его разум отказывался принимать то, что

он слышал. Это было невозможно. Она была сильной. Она была мудрой. Она была его опорой, его якорем в этом мире, его единственным напоминанием о том, что он может быть человеком.

— Нет, — сказал он, и это слово вырвалось из него, как стон. — Нет. Ты не можешь.

— Я могу, — ответила она спокойно, и в её голосе слышалась та же мягкая, непоколебимая уверенность, с которой она учила его читать руны, с которой она учила его молчать, с которой она учила его жить. — Я знала это уже давно. С тех пор, как родила Атрея. Моя сила уходила в него, капля за каплей. Я отдала ему всё, что могла. И теперь моё время пришло.

Кратос сжал кулаки под столом так сильно, что костяшки побелели. Он чувствовал, как внутри него просыпается гнев — старый, знакомый гнев, который он так старательно прятал все эти годы. Он хотел ударить по столу, разнести эту хижину, закричать, чтобы мир содрогнулся от его ярости. Но он не сделал этого. Он смотрел на Фэй, и в её глазах он видел только спокойствие.

— Ты не должна умирать, — сказал он, и его голос стал хриплым, почти умоляющим. — Я не позволю тебе. Я найду способ. Я пойду к богам, я потребую...

— Нет, — перебила она его, и в её голосе впервые прозвучала сталь. — Ты не пойдешь к богам. Ты покончил с ними. Ты обещал мне. Ты обещал, что больше никогда не будешь

воевать. Что оставишь прошлое.

Кратос замер. Её слова ударили его, как удар хлыста. Он помнил тот день, когда дал ей это обещание. Это было вскоре после того, как он прибыл в Мидгард, израненный, обессиленный, сгоревший дотла. Она нашла его в лесу, умирающего от ран и холода, и выходила его. Она ничего не требовала взамен. Она просто сказала: "Ты можешь остаться здесь. Ты можешь начать новую жизнь. Но ты должен оставить войну."

И он оставил. Ради неё.

— Я не могу потерять тебя, — сказал он, и его голос сломался. — Ты — всё, что у меня есть. Ты и Атрей.

— Атрей, — прошептала Фэй, и её глаза наполнились слезами. — Я знаю. Я оставляю его тебе. И это самое трудное, что мне пришлось сделать в моей жизни.

Она протянула руку через стол и сжала его ладонь. Её пальцы были холодными, почти ледяными, и Кратос почувствовал, как дрожь пробежала по его телу.

— Ты должен защитить его, — продолжала она. — Ты должен научить его всему, чему я не успела. Он особенный, Кратос. Он не просто мальчик. Ты знаешь это. Ты знаешь, кто он.

Кратос кивнул, не в силах говорить. Он знал. Он знал, что Атрей — полубог, сын Призрака Спарты, наследник его силы и его проклятия. Но он не хотел думать об этом. Он хотел, чтобы Атрей был просто мальчиком, просто его сыном, просто тем, кому не нужно сражаться за свою жизнь.

— Он должен знать правду, — сказала Фэй. — Не сейчас. Он еще слишком мал. Но когда наступит время, ты должен рассказать ему. О себе. О том, что ты сделал. О том, кем ты был.

— Нет, — ответил Кратос резко. — Он не должен знать. Это убьет его.

— Это спасет его, — возразила Фэй. — Если он не узнает правду, он повторит твои ошибки. Он станет таким же, как ты. И он погибнет.

Кратос хотел возразить, но слова застряли у него в горле. Он знал, что она права. Она всегда была права.

Она отпустила его руку и взяла со стола тот предмет, который сжимала в ладонях. Это был маленький кожаный мешочек, перевязанный грубой ниткой. Она протянула его Кратосу.

— Здесь то, что осталось от моего народа, — сказала она. — Мои руны, мои тайны, моя история. Когда я уйду, ты должен отнести меня на самую высокую вершину Девяти миров. Там, на пике, ты развеешь мой прах по ветру. Это единственное, о чем я прошу тебя.

Кратос взял мешочек, и его пальцы сомкнулись вокруг него с такой силой, что кожа натянулась.

— Я сделаю это, — сказал он. — Я сделаю всё, что ты попросишь. Но я не хочу, чтобы ты уходила.

— Я знаю, — ответила Фэй, и в её голосе слышалась такая боль, что Кратос не выдержал. Он встал из-за стола, обошел

его и опустился на колени рядом с ней. Он взял её лицо в свои ладони, огромные, грубые, покрытые шрамами, и посмотрел в её глаза.

— Я люблю тебя, — сказал он, и эти слова прозвучали как признание, как молитва, как последнее прощание. — Я никогда не говорил тебе этого, но я люблю тебя. Ты — единственное, что было в моей жизни по-настоящему хорошим.

Фэй улыбнулась, и по её щекам потекли слезы.

— Я знаю, — сказала она. — Я всегда знала. И я люблю тебя, Кратос. Я люблю тебя, несмотря на то, кем ты был. Я люблю тебя за то, кем ты стал.

Она наклонилась вперед и поцеловала его в лоб. Её губы были холодными, почти неживыми, и Кратос почувствовал, как его сердце разрывается на части.

— Ты должен позвать Атрея, — сказала она тихо. — Я хочу попрощаться с ним.

Кратос кивнул, поднялся на ноги и направился в комнату сына. Каждый шаг давался ему с трудом, словно он пробивался через густую, вязкую смолу. Он открыл дверь, и в полумраке увидел Атрея, который спал на своей постели, свернувшись калачиком, как маленький зверек.

— Атрей, — позвал он. — Проснись.

Мальчик зашевелился, открыл глаза и посмотрел на отца. В его взгляде мелькнуло удивление и страх — он никогда не видел отца таким. Кратос стоял на пороге, и его лицо было серым, как камень, а глаза блестели в темноте.

— Что случилось? — спросил Атрей, садясь на постели.

— Твоя мать хочет видеть тебя, — сказал Кратос. — Иди.

Быстро.

Атрей выскочил из постели, даже не надев сапог, и победоносно пошел в главную комнату. Кратос шел за ним, чувствуя, как ноги наливаются свинцом.

Атрей остановился у стола, глядя на мать. Она сидела неподвижно, и её лицо было бледным, как снег за окном. Мальчик подошел к ней и коснулся её руки.

— Мама, что с тобой? — спросил он, и в его голосе слышался страх.

— Я уйду, мой маленький Локи, — сказала Фэй, и её голос был тихим, как шепот ветра. — Я уйду далеко-далеко. Но я всегда буду с тобой.

— Куда ты уходишь? — спросил Атрей, и его глаза наполнились слезами. — Я не хочу, чтобы ты уходила. Остайся.

— Я не могу, — ответила Фэй. — Мое время пришло. Но я хочу, чтобы ты знал: ты — самый лучший сын, который у меня мог быть. Я горжусь тобой. Я всегда буду гордиться тобой.

Она протянула руку и провела ладонью по его щеке, стирая слезы.

— Ты должен слушаться отца, — продолжала она. — Ты должен быть сильным. Ты должен быть добрым. Ты должен помнить, кто ты есть. И ты никогда, слышишь, никогда не должен сдаваться.

Атрей кивнул, всхлипывая. Он прижался к её груди, и она обняла его, прижимая к себе. Кратос стоял в нескольких шагах от них, смотрел на эту сцену, и чувствовал, как его сердце разрывается на части. Он хотел подойти к ним, обнять их обоих, защитить их от всего мира, но он не мог. Он был бессилен.

— Кратос, — позвала Фэй.

Он подошел к ней. Она взяла его руку и положила поверх руки Атрея.

— Вы — моя семья, — сказала она. — Моя единственная семья. Я люблю вас. Я буду любить вас всегда.

Она закрыла глаза, и её дыхание стало прерывистым, тихим, почти неслышным. Кратос чувствовал, как её рука слабеет в его ладони, как тепло уходит из её тела, как жизнь покидает её.

— Фэй, — прошептал он. — Не уходи. Пожалуйста.

Она открыла глаза и посмотрела на него. В её взгляде было столько любви, столько нежности, столько прощения, что Кратос не выдержал. Он заплакал. Впервые за многие годы он позволил слезам течь по его щекам.

— Я люблю тебя, — сказала она, и её губы тронула последняя улыбка.

А затем она закрыла глаза.

И перестала дышать.

В доме воцарилась тишина. Абсолютная, глубокая, гробовая тишина, которая была тяжелее тысячи битв. Атрей стоял

у матери, прижимаясь к её уже холодной руке, и плакал навзрыд, и его слезы падали на её лицо, стекая по щекам, как весенний дождь.

Кратос стоял неподвижно. Он смотрел на жену, на её спокойное, почти счастливое лицо, и не мог поверить, что она ушла. Она была здесь, всего несколько мгновений назад. Она говорила с ним. Она касалась его.

А теперь она ушла. И он остался один. Он и его сын.

Он опустился на колени рядом с ней, уткнулся лицом в её ладонь и замер. Он не знал, сколько времени он просто-ял так — минуты, часы, дни. Время перестало существовать для него. Единственным, что имело значение, была пустота внутри него.

Фэй была для него всем. Она была его спасением, его надеждой, его доказательством того, что он может быть больше, чем убийца. И теперь она ушла, забрав с собой эту надежду.

Но даже в этой пустоте, даже в этой тьме, он чувствовал, что она все еще с ним. Она была в его сердце, в его памяти, в каждой клетке его тела. Она была повсюду, и нигде одновременно.

Он медленно поднялся и взял Атрея за руку. Мальчик дрожал, его плечи вздрагивали от рыданий, и его лицо было мокрым от слез. Кратос обнял его, прижал к себе, и в этом объятии было всё, что он не мог сказать словами.

— Мы справимся, — сказал он, и его голос звучал глухо,

сорванно. — Мы справимся, сын. Я обещаю тебе.

Он посмотрел на тело Фэй, на её лицо, которое уже начинало бледнеть, и в его груди вспыхнул новый огонь. Это был не гнев и не ярость. Это была клятва.

Он подошел к стене, снял Левиафан, который висел на крюке, и взял его в руки. Топор был холодным, но его тяжесть ощущалась как тепло, как дыхание жизни.

— Я выполню твою волю, — сказал он, обращаясь к телу жены. — Я отнесу твой прах на самую высокую вершину. Я сделаю это ради тебя. И я буду защищать нашего сына, пока я жив. Это моя клятва. Это моя последняя клятва.

Он повернулся к Атрею. Мальчик смотрел на него, и в его глазах была смесь боли, страха и восхищения.

— Мы отправимся в путь, — сказал Кратос. — Мы отнесем её туда, куда она хотела. И мы сделаем это вместе.

Атрей кивнул, вытирая слезы рукавом.

— Я готов, — сказал он, и его голос дрогнул, но он не отступил. — Я пойду с тобой.

Кратос посмотрел на него, и впервые за долгие годы он почувствовал, что его сын не просто мальчик. Он был воином. Он был наследником. Он был будущим.

— Тогда собирайся, — сказал Кратос. — Мы уходим на рассвете.

Он повернулся к столу, взял мешочек с рунами, который дала ему Фэй, и спрятал его за пазуху. Затем он подошел к телу жены и наклонился, чтобы поцеловать её в лоб.

— Прощай, Фэй, — прошептал он. — Я никогда тебя не забуду.

Он распрямился, подошел к двери и вышел наружу. Снегопад прекратился, и небо было чистым, как лед. Звезды горели над лесом, холодные и далекие, как глаза богов, которые смотрели на него со своих небес.

Кратос поднял голову к небу и закричал.

Это был не крик гнева и не крик боли. Это был крик прощания, крик скорби, крик, который поднимался из самой глубины его души. Он эхом разнесся по лесу, пробуждая птиц и зверей, заставляя дрожать снег на ветках.

Затем он замолчал. И в этой тишине он почувствовал, как мир вокруг него меняется. Лес, который был его домом, теперь стал дорогой. Снег, который был его убежищем, теперь стал тропой. И он знал, что его жизнь больше никогда не будет прежней.

Он вернулся в дом, где Атрей уже собирал вещи. Мальчик был бледен, его руки дрожали, но он делал то, что должен был делать. Он был похож на Фэй — такой же решительный, такой же сильный.

— Мы справимся, — сказал Кратос, кладя руку ему на плечо. — Ты и я. Мы справимся.

Атрей посмотрел на него, и в его глазах мелькнула искра надежды.

— Да, — сказал он. — Мы справимся.

Они стояли в центре комнаты, отец и сын, и вокруг них

был мир, который только что рухнул. Но даже в этом руинах было что-то новое — клятва, обещание, начало.

Кратос посмотрел на тело Фэй, которое лежало на столе, спокойное и безмолвное. Он знал, что она ушла, но её дух остался с ним. Она была в каждом дереве за окном, в каждом снежинке, падающей с неба, в каждом вздохе его сына.

— Я несу тебя с собой, — прошептал он. — Всегда.

Он взял Атрея за руку и повел его к двери. Они вышли из дома, и за их спинами захлопнулась дверь, оставляя позади старую жизнь и открывая дорогу к новой.

И пока они шли через снег, Кратос слышал голос Фэй в своем сердце. Он слышал её слова, её смех, её дыхание. И он знал, что пока он помнит её, она никогда не умрет по-настоящему.

— Вперед, — сказал он Атрею. — Нам предстоит долгий путь.

Они пошли.

Снег скрипел под их ногами, и деревья расступались перед ними, открывая путь в неизвестность. И в этом движении было что-то такое, что наполняло их сердца надеждой — слабой, хрупкой, но настоящей.

Кратос шел, и его рука лежала на плече сына, и он знал, что это только начало. Начало их путешествия. Начало их судьбы.

Он был готов. Он был готов ко всему.

ЧАСТЬ I. ПОСЛЕДНИЙ ЗАВЕТ

Глава 4. Дорога в неизвестность

Они ушли до рассвета.

Кратос стоял на пороге дома, глядя на серое, еще не проснувшееся небо, и чувствовал, как холодный ветер касается его лица. Снег лежал ровным слоем, нетронутым, и лишь их следы, два ряда глубоких отпечатков, уходили в лес, исчезая за поворотом. Дом позади казался чужим — темным, пустым, мертвым.

В его руке был мешок, тяжелый, набитый сушеным мясом, хлебом, травами, которые Фэй собирала прошлым летом, и небольшим запасом дров. На плече висел Левиафан, и его холодное лезвие касалось спины, напоминая о том, что он снова взял оружие. Он думал, что оставил войну, что похоронил её вместе с прошлым, но вот он стоит, готовый идти, готовый сражаться, готовый умереть, если потребуется.

Атрей стоял рядом, закутанный в плащ, который был ему велик. В его руках был лук, и он сжимал его так, словно это было единственное, что могло его защитить. Он выглядел испуганным — и в то же время решительным, как тот, кто знает, что пути назад нет.

— Ты готов? — спросил Кратос, не оборачиваясь.

— Да, — ответил Атрей, и его голос звучал тихо, но твердо.

— Мы не вернемся, — сказал Кратос. — Понимаешь? Мы не вернемся сюда. Не скоро. Может быть, никогда.

Атрей кивнул, хотя Кратос не мог этого видеть.

— Я понимаю, — сказал он. — Я готов.

Кратос обернулся и посмотрел на сына. Мальчик стоял, подняв голову, и в его глазах была та же решимость, которую Кратос видел у Фэй. Она передала ему свою силу, свою волю, свою веру в то, что мир можно изменить.

— Тогда идем, — сказал Кратос.

Он шагнул с порога, и снег хрустнул под его ногой. Атрей последовал за ним, и они пошли в лес, оставляя позади дом, который был их убежищем столько лет.

Лес встретил их тишиной.

Снегопад прекратился, и деревья стояли неподвижно, покрытые инеем, словно вырезанные из стекла. Ветви тянулись к небу, и на них висели маленькие ледяные сосульки, сверкающие на утреннем свете. Вокруг не было ни звука — ни пения птиц, ни шороха зверей, ни ветра. Только их шаги, мерные и тяжелые, нарушали эту идеальную тишину.

Кратос шел впереди, выбирая путь, пробиваясь сквозь глубокий снег. Он чувствовал, как холод пробирается сквозь его одежду, но не обращал на это внимания. Он привык к холоду за те годы, что прожил здесь, привык к снегу и ветру, привык к этой суровой, молчаливой красоте. Но сегодня холод казался особенным — он пробирал до костей, заставляя мышцы напрягаться, заставляя сердце биться быстрее.

Он думал о Фэй. О её улыбке, о её голосе, о том, как она касалась его лица, когда думала, что он спит. Она была рядом. Она была повсюду. Он видел её в каждой ветке, в каждом сугробе, в каждом облаке, проплывающем над головой. И эта близость была одновременно утешительной и мучительной.

— Отец, — раздался голос Атрея за спиной.

Кратос остановился и обернулся. Атрей стоял в нескольких шагах, запыхавшийся, его лицо покраснело от холода и усилий.

— Что? — спросил Кратос.

— Я... я не могу, — сказал Атрей, и его голос дрогнул. — Я устал. Мои ноги замерзают. Я не могу идти дальше.

Кратос посмотрел на него. Мальчик дрожал, его руки тряслись, и в его глазах стояли слезы, которые он пытался скрыть. Кратос чувствовал, как внутри него поднимается раздражение, но он подавил его. Он вспомнил Фэй, её слова, её просьбу быть терпеливым.

— Мы остановимся, — сказал он. — Нам нужно развести огонь.

Он сбросил мешок с плеча и принялся искать сухие ветки. Снег был глубоким, но под ним лежала старая, мертвая трава, и Кратос нашел немного сухих прутьев, которые могли бы разжечь костер. Он сложил их в небольшую кучу и высек огонь с помощью кремня и стали, которую всегда носил с собой.

Пламя вспыхнуло, и тепло разлилось по поляне. Атрей опустился на землю рядом с огнем, протягивая руки к огню, и его лицо озарилось светом. Кратос сел напротив, глядя на сына.

— Ты должен научиться выживать, — сказал он. — Не только охотиться. Но и выживать. Холод, голод, усталость — это враги, которых нужно побеждать.

— Я знаю, — ответил Атрей, не поднимая глаз. — Просто я не привык. Раньше я никогда не ходил так далеко.

— Я знаю, — сказал Кратос, и в его голосе прозвучала неожиданная мягкость. — Но ты должен привыкнуть. Путь будет долгим. И трудным.

Атрей посмотрел на него. В его глазах мелькнула искра любопытства.

— Куда мы идем? — спросил он. — Ты не сказал мне. Ты сказал только, что мы должны отнести маму на высокую гору. Но куда именно?

Кратос задумался. Он не знал, как объяснить это сыну. Как объяснить, что они идут в Ётунхейм, мир великанов, который, по слухам, находился за пределами Девяти миров. Как объяснить, что они должны подняться на самую высокую вершину, чтобы развеять прах Фэй по ветру.

— Мы идем к вершине, — сказал он наконец. — Самой высокой вершине в Девяти мирах. Там мы выполним её волю.

— А где эта вершина? — спросил Атрей.

— Я не знаю, — честно ответил Кратос. — Но мы найдем её. Мы будем идти, пока не найдем.

Атрей замолчал. Он смотрел в огонь, и его лицо было задумчивым, почти взрослым.

— Она говорила мне, что есть много миров, — сказал он тихо. — Она говорила, что мир, в котором мы живем, называется Мидгард. И что есть другие миры — Альфхейм, Свартальфхейм, Ётунхейм... Она говорила, что мы можем путешествовать между ними.

— Да, — сказал Кратос. — Это так.

— Мы пойдем в другие миры? — спросил Атрей, и в его голосе слышалось волнение.

— Возможно, — ответил Кратос. — Если потребуется.

Атрей улыбнулся, и эта улыбка была похожа на улыбку его матери — такая же светлая, такая же искренняя.

— Я всегда хотел увидеть другие миры, — сказал он. — Мама рассказывала мне о них. Она говорила, что Альфхейм полон света, что там живут эльфы, и что их война длится уже тысячи лет. Она говорила, что в Свартальфхейме живут гномы, которые куят лучшее оружие во всех мирах. Она говорила...

— Она много говорила, — перебил Кратос, и в его голосе прозвучала горечь. — Она знала много историй.

Атрей замолчал. Он понял, что задел отца.

— Извини, — сказал он тихо. — Я не хотел...

— Всё в порядке, — сказал Кратос. — Отдыхай. Мы пой-

дем дальше, когда ты будешь готов.

Он встал и отошел к краю поляны, оставляя сына у огня. Он смотрел на лес, на бесконечные ряды деревьев, которые уходили вдаль, и думал о том, что лежит впереди.

Лес казался бесконечным. Кратос стоял на краю поляны, вглядываясь в его глубину, и чувствовал, как древние стволы смотрят на него тысячами глаз. Ветви сплетались над головой в плотный полог, сквозь который с трудом пробивался свет, и воздух становился все более сырым, холодным, тяжелым.

Он слышал позади себя потрескивание костра, тихое дыхание Атрея, и эти звуки были для него якорем, удерживающим его в реальности. Он знал, что должен быть сильным. Он знал, что должен защищать сына. Но внутри него бушевала буря — буря гнева, боли, страха.

Он сжал кулаки, и его ногти впились в ладони.

Я не могу позволить себе слабость, — думал он. — Я не могу позволить себе сомневаться. Атрей смотрит на меня. Он ждет, что я покажу ему путь.

Он повернулся и вернулся к костру. Атрей сидел у огня, прижимаясь к теплу, и его глаза были закрыты. Он, казалось, дремал, и его лицо было спокойным, почти безмятежным. Кратос сел рядом с ним, и в этом молчании было что-то умиротворяющее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.